

В. И. Шаховский

Волгоградский государственный
педагогический университет

**Рецензия на книгу: Пищальникова
В. А. История и теория
психолингвистики: курс лекций.
Ч. 2. Этнопсихолингвистика
(М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. 228 с.)**

Научная жизнь. Рецензии

Учебное пособие В.А.Пищальниковой посвящено представлению идеологии сравнительно нового направления отечественной психолингвистики — этнопсихолингвистике. В нём предлагается список специфических задач, анализируются ключевые проблемы, уточняются объект и методы исследования. Автор выделяет центральное понятие этнопсихолингвистики — речевую деятельность, которая рассматривается через фильтр этнической картины мира, что позволяет В. А. Пищальниковой развивать аргументы, подтверждающие главное теоретическое положение о том, что культура как разновидность деятельности характеризуется этническим компонентом, а язык как транслятор культуры интегрирует в себе её различные этнопсихические маркеры, которые проявляются, в первую очередь, в речевой деятельности.

Основную задачу этнопсихолингвистики В.А.Пищальникова видит в моделировании структуры языкового сознания и описании её эволюции с учётом этнокультурной специфики, что требует постановки особых задач, отличающих данный раздел от общих задач психолингвистики и когнитивной лингвистики, и выработки этнопсихолингвистических методик исследования. Новизна и научная значимость данной работы очевидны и состоят в том, что в ней анализируются, в том числе, и современные работы по данной проблеме, впервые представлены результаты экспериментального исследования этнической напряжённости и рассмотрено явление корпоральной семантики как этнопсихолингвистическая проблема.

Учебное пособие состоит из семи лекций, заключения и обширного списка литературы на 24 страницах. Оно предназначено для студентов и аспирантов, делающих первые шаги в науке, но будет интересно и для широкого круга лингвистов.

Одним из доминантных понятий, на котором базируется представленная в данном учебном пособии концепция этнопсихолингвистики, является «культура» — многогранный, полистатусный и почти голограммный феномен. Проанализировав известные дефиниции культуры, автор выделяет одну, которая сфокусирована на функциональном (деятельностном) аспекте: «культура — это совокупность социально предпочтительных норм человеческого поведения» (С. 4). Нормы рассматриваются как адаптивный механизм, облегчающий человеку жизнь в окружающем его мире. Как отмечал в 1997 г. С.В.Лурье, этот защитный механизм не может не касаться этнической природы культуры и, прежде всего, системы этнических констант, являющихся той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир (С.5). По определению В.А.Пищальниковой, культуру следует рассматривать как условие и результат социальной активности человека, а этнические константы «являются механизмами, которые снимают психологическую угрозу со стороны окружающего мира и обеспечивают члену этноса возможность действовать» (С. 5). Автор допускает, что культура есть механизм коллективной памяти, предполагающий наличие коллективного сознания, и не все его конститuenty могут быть адекватно перекодированы в знаки языка.

Культура имеет предметный и ментальный облик. Корреспонденция языка и культуры всегда национально специфична, даже в ядерном компоненте. В этом плане язык — транслятор культуры, и он, так же, как и сама культура, этнически маркирован. Представление об этих маркерах определяет культурную компетенцию, которая может не совпадать не только в разных этносах, но и внутри одного этноса у разных его представителей, приводя и к межэтническим коммуникативным сбоям, и к культурным провалам и межличностным конфликтам. Упоминает В.А.Пищальникова и о соматологических картах человека в

разных этносах, которые помогают ориентироваться в визуальном и межкультурном общении. На интерес к соматикону в этническом аспекте указывает и фундаментальный труд Ю. А. Сорокина и А. А. Романова «Соматикон: Аспекты невербальной семиотики» (см.: Сорокин, Романов 2004).

Интересной для лингвистов, этнологов и социологов представляется первая лекция «Этнопсихолингвистика как раздел психолингвистики. Теоретическая основа и исследовательские проблемы», в которой В. А. Пищальникова рассматривает объект, предмет и задачи этнопсихолингвистики и приступает к анализу методологии нового направления. Вслед за А. А. Леонтьевым автор определяет этнопсихолингвистику как область психолингвистики, и все вопросы в пособии рассматриваются в соответствии с этим положением и поправкой на культурные доминанты.

Объектом этнопсихолингвистики объявляются национально-культурные варианты речевой деятельности (как одного из видов психической деятельности человека). Этот объект этнопсихолингвистики привязан к культурным постулатам о том, что национальная культура существует в ментальной, предметной и деятельностной формах; что ментальные составляющие национальной культуры не могут быть «перекодированы» адекватно (по причине их лакуарности. — В. III.); что национально-культурная специфика сознания вербализуется по-разному различными этносами. Самое существенное речевое сходство в компонентах ядра языкового сознания наблюдается лишь в эмоциональной и цветовой лексике разных лингвокультур (см.: Шаховский 2007а), что, по-видимому, объясняется тем, что люди разных этносов переживают один и тот же набор эмоций (хотя и по-разному) и воспринимают мир в одних и тех же красках (хотя членят и называют цвета и их оттенки не одинаково).

Многие из приведённых постулатов получили экспериментальное подтверждение, но пока их признание не привело к созданию какой-либо удовлетворительной теории, объясняющей сущность детерминации языкового сознания национальным компонентом (то, что А. А. Леонтьев связывал с

исследованием «национально-культурной детерминации образа мира»). В. А. Пищальникова объясняет это двумя причинами: во-первых, наблюдаются отход от теории речевой деятельности А. А. Леонтьева и подмена объекта исследования — вместо речевых действий исследуются речевые знаки, во-вторых, современные исследования до сих пор опираются на системоцентрическую парадигму, заменяя термин «языковое сознание» термином «ядро языкового сознания». Однако даже последние многочисленные работы, по мнению В. А. Пищальниковой, ошибочно причисляемые к психолингвистике, подтверждают, что языковое ядро в разных языках не совпадает, а содержание лексем, получаемых в качестве реакций в свободном эксперименте, было бы некорректным приписывать компонентам ядра образа мира (С.15), т.е. слова (лексемы) языкового ядра не следует интерпретировать как компоненты ядра языкового сознания. Налицо и методологическая, и методическая подмена за счет смешения научных парадигм, на что неоднократно и раньше указывал автор данного пособия, напоминая, что слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака («овнешняет»). А. Н. Леонтьев в 1977 г. также отмечал: «...и в продукции запечатлевается не образ, а именно деятельность, благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его, как объект его деятельности» (С. 18). Автор учебного пособия замечает, что ядро сознания — это совокупность стабилизированных (но не статичных) образов сознания в единстве их перцептивных, концептуальных и процедурных характеристик. Далее отмечается, что процедурные и перцептивные характеристики образов сознания пока не исследуются вообще, а изучение концептуальных свойств осуществляется на основе выявления значений лексических единиц, что не дает объективной картины речепроизводства. Для подтверждения этих положений В. А. Пищальникова приводит критический анализ содержания ряда работ по современной психолингвистике (напр., работы Б. Н. Псеуновой, С. Г. Незговоровой и др. — С. 20). Автор приходит к следующему

выводу: образ сознания рассматривается в современных работах лишь частично, т. е. в той его части, которая «овнешняется» словами, словосочетаниями, предложениями, текстами, а «неовнешнённые» образы сознания практически не исследуются. Всё это объясняется отсутствием собственных методик анализа речевого поведения в этнопсихолингвистике.

Именно поэтому следующим важным вопросом, рассмотренным не только в первой лекции, становится вопрос о поиске собственных методик анализа речевого поведения в этнопсихолингвистике. В. А. Пищальникова предлагает в рамках новой научной парадигмы различать такие понятия, как «сознание» («образ мира», «образ сознания»), «языковое сознание» («образ языкового сознания») и «культурологическая константа», и не сводить всё к упрощённому видению ядра речевой деятельности как соотношению реакций-ассоциатов (см. ссылку на методологические подмены в трудах отдельных психолингвистов, напр., А. А. Залевской, А. В. Федченко, которые можно объяснить отсутствием методик исследования речевого действия вообще, а тем более — национально-специфического).

Определив этнопсихолингвистику как интегративное (сверхсуммативное) направление, прошедшее путь от системно-структурной лингвистики до страноведения, а от него — до лингвострановедения и лингвокультурологии через психолингвистику и когнитивную лингвистику, В. А. Пищальникова перечисляет девять задач, определяющих границы этнопсихолингвистики, и предлагает обратиться к социолингвистическим и психолингвистическим методам, сочетание которых позволит подойти к выработке специфических этнопсихолингвистических методик изучения речевого поведения. При этом автор критикует чрезмерное увлечение ассоциативными методиками, выработанными в антропологии, социологии, психологии, полагая, что ассоциативное поле — лишь одна из многих и не самых аргументированных моделей репрезентации. Оно относится к моделям аналогической интерпретации, постулирует изоморфизм между репрезентируемыми мирами (ср.: ассоциативное поле — это модель сознания, которая

представляет собой совокупность правил оперирования знаниями) и не предполагает учёта национальной специфики модели сознания. Однако, и автор неоднократно подчёркивает это в работе, этнопсихолингвистические методики должны быть нацелены на установление механизма национально-культурного смыслообразования.

Во второй лекции «Основные направления отечественных этнопсихолингвистических исследований» В. А. Пищальникова отмечает отсутствие единой системы терминопонятий этнопсихолингвистики, проводит аналитический обзор этнолингвистических теоретических построений и фокусирует внимание на необходимости разработки методик этнопсихолингвистического анализа речевой деятельности как проявления её межкультурной вариативности, т. е. выделяет лингводеятельностный аспект этноса в межкультурной коммуникации.

Национальное сознание, национальный компонент сознания / менталитет и другие компоненты восприятия иной культуры рассматриваются в отечественном языкознании давно (см. [5; 6]), однако только деятельностный подход к речевому общению может дать представление о национальной специфике сознания, ибо речевое действие всегда зависит от условий его протекания и целей. Вуказанной лекции даётся определение терминов *национальный образ сознания* и *(культурное, лингвистическое) пространство*, рассматриваются проблемы *глобализации сознания, этнической картины мира, национального политического дискурса* как компонента этнической картины мира и другие её компоненты.

Большая часть лекции посвящена критическому осмыслению различных проблем этнопсихолингвистики, представленных в завершённых диссертационных исследованиях (напр., М. В. Сергеевой, Е. М. Евсеевой. — С.39), и анализу их методологии. Напомним, В. А. Пищальникова неоднократно подчёркивала, что этнопсихолингвистика до сих пор пользуется методами лингвистики и психологии, подменяя объект исследования, поэтому считает результаты таких исследований не вполне объективными, т. к. они не учитывают этнопсихические особенности протекания речевой деятельности. Во

многих работах, объявленных как психолингвистические, фактически системоцентрическими методами исследуются лингвистические или лингвокультурологические предметы и объекты, смешиваются психологические и лингвистические понятия, не имеющие прямого отношения к психолингвистике, хотя и утверждается, что в них проводятся якобы психолингвистические эксперименты (напр., работы О. В. Степановой, Б. А. Ахатовой, С. В. Пинигиной, Т. А. Сироткина, С. Л. Дурандиной. — С. 41). В. А. Пищальникова фактически даёт отрицательную рецензию докторской диссертации Н. С. Братчиковой, в которой защищаются общеизвестные положения.

В. А. Пищальникова, продолжая рассуждения о поиске специфичных для этнопсихолингвистики понятий и методах их описания, анализирует понятие *стереотип речевого поведения*, предлагая добавить к нему этнический компонент и выделить ряд культурных доминант, в которых и будет представлена *этноспецифика речевого поведения* представителей отдельного социума. Под *культурной доминантой* автором рецензируемого пособия понимается совокупность смыслов, имеющих национальную специфику и связанных между собой интегративным признаком. Владение этим уровнем компетенции является непременным условием адекватного речевого поведения, а изучение культурных доминант позволяет выделить фрагменты языкового сознания и провести их сравнение. Однако и здесь В. А. Пищальникова, следуя задаче критичного отношения к работам, претендующим на статус этнопсихолингвистических, выражает несогласие с мнением ряда исследователей, утверждающих, что изучение лексической и фразеологической номинации или концепта позволяет напрямую исследовать психолингвистические аспекты этнических стереотипов. Рассмотрев, например, результаты работы Е. Н. Богомоловой, в соответствии с которыми такие *ценностные доминанты культуры*, как *ложь во спасение*, *талант*, *решительность*, трактуются в китайском языке как положительные, автор пособия выражает сомнение в том, что их можно назвать *этническими (специфическими) ценностными характеристиками*, отличающими китайцев от других этносов.

Большой интерес для всех лингвистов, как начинающих, так и опытных, представляет та часть лекции, в которой рассматривается вопрос о подходе к изучению межэтнических ценностей. В. А. Пищальникова подчёркивает, что через изучение ценностей разных этносов можно установить их различные этнические характеристики и стереотипы, провести этническую идентификацию. Это объясняется тем, что базовые ценности наиболее желательны, эмоционально привлекательны и способны соответствовать идеальному состоянию бытия людей. При этом автор критикует отсутствие единых принципов отбора базовых ценностей для исследований, поэтому считает их результаты неадекватными, т.к. вычленение отдельных базовых ценностей умаляет значимость оставшихся, не охваченных научным экспериментом. Для преодоления этой проблемы В. А. Пищальникова предлагает в качестве главной для развивающейся этнопсихолингвистики задачи формирование списка базовых ценностей в каждом этносе.

Ещё одной важной проблемой, рассмотренной в лекциях, стала проблема значения языкового знака в парадигме этнопсихолингвистического исследования. Отмечается, что значение как лингвистический объект и как психологически реальное состояние конкретного индивида — явления не однородные, не тождественные. С точки зрения психолингвистики все значения эмоциональны. В связи с этим неразборчивое применение методики семантического дифференциала Ч. Осгуда приводит исследователей к необъективным выводам в этнопсихолингвистике, если шкала Ч. Осгуда, предназначенная для измерения психологического значения коннотации, используется в семасиологии. Анализ различных моделей значения приводит В. А. Пищальникову к выводу о том, что для познавательного процесса «существенно определение смыслового признака, который становится структурно-доминирующим компонентом в условиях данной речевой деятельности» (С. 69). Напомним, что еще А. А. Потебня в структуре лексического значения выделял значение и представление, причём представление понималось как способ выражения содержания.

Ценным в книге В.А.Пищальниковой является новый взгляд на исторически знаменитую теорию Сепира-Уорфа. Отношения между знаками языка, которыми оперирует человек, неадекватно отражают отношения между их референтами. Многих отношений в природе вообще не существует, они существуют только в воззрениях говорящего. В.А.Пищальникова полагает, что язык отчасти определяет наше восприятие мира, его категоризацию, картину мира в целом. Доказательством этому является тот факт, что во вьетнамском языке все оттенки серого и зелёного цветов называются одним словом, но в практической деятельности вьетнамцы отлично различают все оттенки цвета. Получается, что реальная жизнь и язык не изоморфны.

Для подтверждения своего мнения В.А.Пищальникова проводит экскурс в теорию языковой деятельности Г.А.Брутяна, в которой утверждается, что, с одной стороны, реальный мир богаче языковой картины мира, а с другой — в процессе общения говорящие оперируют не только понятиями, но и «протопонятиями» и авербальными знаками, не имеющими отражения в языковой картине мира, — они участвуют в смыслообразовании при трансляции образов сознания.

В.А.Пищальникова убедительно доказывает, что логическая картина мира не совпадает со смысловой даже внутри одного языка, поэтому языковая картина мира лишь с разной степенью аппроксимации отражает мнение человека определенной культуры / этноса об окружающем его мире, степень и уровень кажимости мира в его сознании. Язык — лишь посредник в познании действительности, не строгий, не точный, субъективный. Автор рецензируемого пособия настаивает на пересмотре методики исследования ядра языкового сознания, поскольку давно известно, что лексические значения слов, соотносящиеся с одним и тем же понятием в разных языках, никогда не совпадают.

Именно поэтому В. А. Пищальникова утверждает, что в специфические задачи этнопсихолингвистики входит разработка особых процедур анализа языковых фактов, которые дают объективные данные. По её

мнению, это могут быть ассоциативные эксперименты массового характера, при этом отмечается, что, к сожалению, в этнопсихолингвистике методика массового эксперимента, равно как и методика обработки его результатов, ещё не разработана. В работе уточняется, что результаты, полученные ассоциативным экспериментом, должны быть верифицированы другими методиками. Главная черта современных этнопсихолингвистических исследований — всего лишь поверхностная интерпретация полученных некорректным методом результатов. И в этом В. А. Пищальникова совершенно права, и лингвистам следует над этим задуматься как можно скорее. На недостатки ассоциативного эксперимента неоднократно указывала и Т. Н. Ушакова, предписывая этому эксперименту чёткие методологические принципы, которые до сих пор мало учитываются молодыми исследователями. Главная методологическая ошибка в этом эксперименте — сопоставление лексем, а не образов сознания и мышления. На с.117 своего пособия В. А. Пищальникова приводит методологические принципы, и в этом отношении рецензируемая монография является бесценным методологическим учебником для современных психолингвистов и этнопсихолингвистов. Автор подробно описывает требования к экспериментатору (включая его внешность и характер), отмечая, что к параметрам успешности эксперимента относятся и условия его проведения (время, место, общая атмосфера и другие внешние и внутренние параметры: устная / письменная его форма, количество языкового материала), личность экспериментатора и его авторитет. Основной проблемой, по мнению В.А.Пищальниковой, по-прежнему остаётся отсутствие исследований по проблеме корреляции между экспериментальными методами, условиями эксперимента и полученным экспериментальным материалом.

В четвертой лекции «Межкультурная коммуникация как проблема этнопсихолингвистики» рассуждения о роли этнофактора в речевой деятельности продолжают в иной плоскости. Автор обращается к такому интересному и сложному феномену, как речевая деятельность переводчика. Здесь рассматриваются типы лакуарности и её роль в

межэтнической коммуникации, уточняется положение о том, что перевод является одним из объективных средств межкультурной коммуникации, подчеркивается, что типология техник перевода существует, но нет и не может быть типологии переводческих решений (см.: [2]).

По мнению В. А. Пищальниковой, *речевой механизм можно представить как триединство языковой способности (когнитивной компетенции), языковой компетенции и коммуникации*, и она рекомендует переводоведам вернуться к идеям А. Н. Леонтьева о разделении *личностного смысла* и *психологического значения*, являющихся актуальными для перевода. В пособии подчеркивается огромная роль личности самого переводчика в *ретрансляции этнопсихолингвистических доминант* с одного языка на другой, ибо перевод является психолингвистическим процессом речемыслительной деятельности переводчика.

В пятой лекции «Этнопсихолингвистическое исследование этнической напряженности» В. А. Пищальникова поднимает злободневный в настоящее время вопрос о расколе массового сознания на множество этнических идентичностей, о переструктурировании межэтнических отношений согласно новым социальным условиям в мире (см.: Солдатова 1998. — С. 154).

В предыдущих лекциях В. А. Пищальникова неоднократно подвергала критике ассоциативный эксперимент, но в этой лекции признается возможность его использования в качестве инструмента для диагностики межэтнической напряженности. Я не вижу в этих утверждениях В. А. Пищальниковой никакого противоречия, т. к. установлено, что именно в ассоциациях, в их эмоционально-оценочном компоненте наиболее четко проявляется культурно-специфичное знание, представление, мнение (см. [11]). Психологическая модель концепта должна включать эмоционально-оценочный компонент, что подтверждается рядом аргументов, приведённых в данной лекции.

Согласно концепции В. А. Пищальниковой, аксиологический (эмоционально-оценочный) компонент в структуре концепта может отражать *этническую напряженность*.

Данная гипотеза была верифицирована и подтверждена в работе З. Г. Адамовой, результатам которой в данной лекции уделяется особое внимание. Анализируя её, автор рецензируемого пособия подчеркивает важность эмоционально-оценочного компонента в структуре стереотипов, поскольку в нём сконцентрированы чувства, отражающие мотивационные состояния *этнической группы*, во многом определяющие социальное поведение ее членов и всего этноса. Здесь же приводится сопоставительный анализ результатов ассоциативного эксперимента на слово «Россия» среди русских и якутов. Подводя итог, В. А. Пищальникова выделяет различные *степени этнической напряженности*.

По словам В. А. Пищальниковой, З. Г. Адамова представила вполне аргументированное исследование образов сознания, методика анализа которых позволяет выявить наличие или отсутствие межэтнической напряженности, а также комплексно исследовать причины её возникновения и прогнозировать её появление. Поэтому я предлагаю всем молодым исследователям этнопсихолингвистических проблем ознакомиться и с трудом З. Г. Адамовой.

Следующая лекция В. А. Пищальниковой посвящена *корпоральной семантике*. В ней В. А. Пищальникова рассматривает работы А. А. Залевской, которая полагает, что «язык ничего не значит сам по себе, что он паразитирует на невербальных знаках...» (С. 179). Идеи А. А. Залевской успешно разрабатываются её учениками, и В. А. Пищальникова подробно реферирует некоторые из этих работ.

Из этой лекции читатель узнаёт о содержании термина *корпоральный* в его сочетании с термином *семантика*. Необходимость включения данного термина в список важных понятий этнопсихолингвистики объясняется тем, что изучение того, как воспринимается и прочитывается человеческое тело с позиции *автохтонного эталона*, является одной из проблем этнопсихологии. Неправильное прочитывание знаков чужого тела может привести к *семантическим сбоям* в межэтнической коммуникации. В. А. Пищальникова замечает, что слово включено в некий познавательный процесс,

который является одновременно и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, как вербальным, так и невербальным. Его семантика в данном случае понимается как совокупность соответствующих психических образов, позволяющих личности рассматривать себя, свой витальный и ментальный мир как единое целое. Чувственная ткань, входящая в этот глобальный мир человека, составляет образы его сознания. В связи с этим В.А.Пищальникова напоминает читателю о мнении А.Н.Леонтьева, который полагал, что сознание содержит три основные образующие: личностный смысл, значение и чувственную ткань. Ссылаясь на концепцию Ф.Е.Василюк о наличии двух типов чувственной ткани, отличающихся друг от друга, В.А.Пищальникова раскрывает содержание этих типов и уточняет их роль в формировании образов памяти, в том числе и графической. Ф.Е.Василюк полагает, что теоретическое представление А.Н.Леонтьева является неполным, фиксирующим только часть «многомерной субстанции», которая и называется чувственной тканью. В.А.Пищальникова в рецензируемом пособии показывает, чем конкретно Ф.Е.Василюк дополняет эту концепцию: функцией чувственной ткани является синестезия, основанная на интерференции ощущений, идущих от разных полюсов чувственно воспринимаемого образа. Таким образом, чувственная ткань выступает как единица тела, как представитель мира в образе сознания.

Заключительная лекция «Национальная специфика грамматических структур как проявление специфики национального (языкового) сознания» состоит всего лишь из трёх страниц и представляет собой краткий анализ-реферат нескольких исследований, доказывающих, что национальную (этническую) специфику языков можно изучать и по грамматическим структурам языков, в том числе и по моделям словообразования. В.А.Пищальникова делает акцент на работы Н.Ф.Голева, который ставит и решает вопрос об онтологии словообразования с психолингвистической позиции. Она признает справедливым мнение А.Г.Антипова о том, что «каждый из уровней структуры производного слова прототипичен для языкового сознания, избирающего средства

овнешнения своих репрезентаций» (С.194).

Таким образом, судя по обзору В.А.Пищальниковой, в психолингвистике уже имеются исследования, намечающие пути решения ряда этнопсихолингвистических проблем, в том числе и через анализ национальной специфичности деривационных отношений лексем.

Завершение курса лекций, несомненно, очень интересных и полезных, представляется мне неожиданным, поскольку вместо заключения, в котором читатель ожидает обобщения по всем основным проблемам, выделенным в лекциях, автор рассматривает идеи Ю.Н.Караулова о *человеческом факторе в языке*, об ассоциативном поле языка и сообщает целый ряд сведений, дополняющих приведённые выше лекции данного пособия. Однако если учесть, что автор выстраивает теоретический базис этнопсихолингвистики на методологических посылах психологии, психолингвистики, лингвокультурологии и концептологии (см. ссылки на работы А.А.Потебни, С.В.Лурье, А.А.Ухтомского, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.А.Леонтьева, Э.Сепира, Б.Л.Уорфа, а также А.А.Залевской, Ю.А.Сорокина, А.А.Романова и др.), то привлечение научных идей Ю.Н.Караулова и Ю.С.Степанова, в которых автор отмечает зачатки этнопсихолингвистических воззрений, позволяет уточнить этносемиотический аспект, высветив тесную связь этнопсихолингвистики с лингвокультурологией, концептологией и эмотиологией. Модель языковой личности Ю.Н.Караулова хотя и является когнитивной, может быть рассмотрена и с позиций психолингвистики, а с коррекцией на этническую языковую личность — стать объектом этнопсихолингвистики. В этом В.А.Пищальникова совершенно права.

Все рассмотренное выше свидетельствует о том, что перед нами новаторская работа, в которой выделены чёткие контуры новой лингвистической парадигмы — этнопсихолингвистики. В презентации этой новой парадигмы и заключается основная заслуга В.А.Пищальниковой, за что ей должны быть благодарны все лингвисты, исследования которых соприкасаются с многочисленными проблемами этой интегральной науки.

Труд В. А. Пищальниковой убеждает нас в том, что все современные лингвистические парадигмы в их различных комбинациях обладают методологическим и методическим потенциалом для исследования актуальных в современном мире этнических проблем — мировоззренческих, ментальных, вербальных, соматических, акциональных и т.д.

Следует отметить интересные для рецензента рассуждения о проблемах, связанных с понятием *национально-культурный дискурс*, которое видится автору как совокупность специфических способов действия со словом, а также представление феномена национально-специфических образов сознания. Согласен, что *среда функционирования языка* во многом определяется её культурным индексом. Ещё Л. С. Выготский отмечал, что «то отношение, в которое вступает личность в окружающей её действительности, может быть представлено такой корреляцией: субъект не только противопоставлен действительности, он переживает эту действительность, он действует по отношению к ней и потому обнаруживает себя как существо сознательное» (С. 24). Э. Сепир называл эту корреляцию «средой обитания» этнического и социального человека и уточнял, что это есть отражение национальной специфики в речевой деятельности. Язык при этом рассматривается как средство фиксации и обнаружения культуры, как форма представления культуры, но не приравнивается к ней. Язык, формируясь под воздействием среды, сам формирует представление о ней. Поэтому в соотношении *язык — сознание — этнос* важно не то, что значит реалья и как она отражается в языке, а то, что думает индивид о ней и как он её концептуализирует, создавая этноспецифическое понятие и систему понятий, какими вербальными способами он передает этнокультурную информацию. С этим утверждением трудно не согласиться. И отраднo, что В. А. Пищальникова обращает внимание исследователей на этот чрезвычайно важный факт. Всячески поддерживаю и мнение В. А. Пищальниковой, включающей в модель концепта эмоциональный компонент, не всегда включаемый другими исследователями, что делает их модель концепта неполной и потому несовершенной [9].

В учебном пособии В. А. Пищальниковой, конечно же, рассмотрены не все стороны и аспекты этнопсихолингвистики как нового научного направления. Но в нём представлен анализ результатов многих исследований, что позволило автору сформулировать новые задачи, выделить базовые терминопонятия, расшифровать их значение для начинающих исследователей, представить собственную точку зрения на адекватность методов эксперимента и методик их интерпретации в рамках нового раздела психолингвистики. Тем самым данное учебное пособие носит энциклопедический и интерпретационный характер, поскольку сама В. А. Пищальникова давно известна как талантливый исследователь-психолингвист, её рассуждения и мнения представляются авторитетными и достоверными, а её критические замечания должны привести к переосмыслению некоторых уже устоявшихся в науке выводов и постулатов.

Особого интереса заслуживают многочисленные фрагменты лекций, посвященные поиску собственной методологии этнопсихолингвистики. В. А. Пищальникова неоднократно отмечает, что становление нового раздела науки требует определения собственного объекта и постановки особых задач исследования, кроме того, необходима разработка цельной программы исследования, поскольку сопоставительные этнопсихолингвистические исследования нуждаются в более обширных статистических данных и более глубокой культурной интерпретации, примером которой является новый словарь В. Н. Телия (см.: [12]). Автор справедливо отмечает, что те молодые лингвисты, которые собираются проводить этнопсихолингвистические исследования, должны помнить, что они изучают речевую деятельность представителей отдельного *этносоциума* или ведут сравнение образцов речевого поведения разных этносоциумов, следовательно, этот объект не следует подменять и выдавать ассоциативный эксперимент или изучение семантики слов, фразеологизмов и т.п. за этнопсихолингвистический анализ, поскольку в них выявляется не структура речи в *социоэтническом дискурсе*, а в лучшем случае — реализация лингвистического значения. Согласимся, что

столь популярный в психолингвистике анализ лексических значений слов-ассоциатов не может в полной мере описать «образ сознания». И здесь нам следует довериться интуиции автора, который пытается перейти от психолингвистической парадигмы к парадигме этнопсихолингвистики.

В заключение рецензии отмечу некоторые, на мой взгляд, недочёты данного пособия. Так, считаю неудобным для читателя сильно расходящиеся размеры лекций (более 80 страниц — вторая лекция и всего три страницы — седьмая). Работа изобилует тяжелым синтаксисом: большое количество страниц состоит всего лишь из одного-двух абзацев (С. 19, 74, 85, 88, 107, 117, 152, 190, 196 и др.). Мне представляется неуместным скопление жирного шрифта во многих местах книги, не всегда указаны источники примеров (С.72).

Непонятно, зачем В. А. Пищальникова приводит в заключении еще раз определение сознания как совокупности «фигур знаний», т.к. этот термин неоднократно пояснялся выше и данное определение не добавляет ничего нового. Точки зрения Ю. Н. Караулова и А. А. Леонтьева на языковое сознание не противоречат друг другу, и поэтому их противопоставление в заключении представляется излишним. Столкновение позиций А. А. Леонтьева и Ю. Н. Караулова по ряду проблем психолингвистики также не приводит к формированию новых положений для этнопсихолингвистики. И последнее: в заключении, на мой взгляд, отсутствует ожидаемое обобщение по всем лекциям данного пособия.

Однако эти замечания несколько не снижают как теоретической, так и практической ценности данного пособия. Автор работы удачно объединила достижения психо- и этнолингвистики с потребностями нового направления. К очень положительным моментам книги отношу серьезный критический подход к этим достижениям, на фоне которых автор постоянно уточняет свои личные взгляды, предлагает собственные подходы к рассматриваемым проблемам. Образ автора представляется высокоэрудированным, критическим, но толерантным.

Рецензируемое пособие В. А. Пищальниковой по сути дела является

энциклопедическим словарем по этнопсихолингвистике, т.к. оно содержит полный набор этнопсихолингвистических терминопонятий. В книге имеются схемы и графики, диаграммы (напр., с.155, 162), которые повышают наглядность излагаемого материала и его достоверность.

Считаю новую книгу В.А.Пищальниковой заметным явлением в отечественной лингвистической науке, и научная общественность должна поблагодарить автора за проделанный титанический труд по подготовке данного пособия.

Литература

1. Вежицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежицкая. — М.: Яз. славянской культуры, 2001.
2. Перевод и коммуникация. — М.: Наука, 1997.
3. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001.
4. Семантическая специфика национальных языковых систем. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985.
5. Семантическая общность в национальных языковых системах. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986.
6. Сорокин, Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику / Ю. А. Сорокин. — Ульяновск, 1998.
7. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология / Ю. А. Сорокин. — Самара: Рус. лицей, 1994.
8. Сорокин, Ю. А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики / Ю. А. Сорокин, А. А. Романов. — М.: ТвГУ, 2004.
9. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. — М.: Гнозис, 2008.
10. Шаховский, В. И. Лингвокультурология эмоций / В. И. Шаховский. — Волгоград: Изд-во «Перемена», 2007 (а).
11. Шаховский, В. И. Межличностное общение: проблемы эмоциональной толерантности / В. И. Шаховский // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сб. науч. ст. Междунар. конф. «Коммуникация-2006». — СПб., 2006. — Ч. I. — С. 320–330.
12. Шаховский, В. И. Рец. на кн.: Телия В. Н.

- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. И. Шаховский // Stylistyka: style and time. — 2007 (6). — №16.
13. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. — Волгоград: ЦОП «Центр», 2004.
14. Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. тр. — Кемерово: Графика, 2003.